Александр Галиновский

Истории, подслушанные из подвала

Сборник рассказов ужасов

СТРАНСТВУЮЩАЯ СМЕРТЬ

Однажды промозглым осенним вечером в имении сэра Руперта Хамфри, что в графстве Кент во владениях Английской Короны, собралась компания из пяти человек. Это были: доктор Лири - личный врач и друг хозяина дома, чиновник Аддамс с женой Татьяной, мадам Буле, приходившаяся Хамфри то ли теткой, то ли кем-то еще, и молодой человек, представленный как студент по фамилии Джексон.

После ужина, который затянулся до позднего вечера,

возглавляемые хозяином дома гости направились в одну из комнат, где они могли бы выпить по бокальчику и поболтать. Кроме того, успевший всем надоесть своими настойчивыми рассказами о богатстве дома доктор Лири уверял, что впереди гостей ждут незабываемые впечатления.

Это и в самом деле была очень необычная комната. Обставленная с показательным вкусом и вниманием к деталям, она хранила в себе десятки всевозможных редкостей - больших и малых размеров, разнящихся по ценности, но все же одинаково необычных. Для человека, попавшего сюда впервые, впечатление граничило с фантастическим. Его удивление начиналось от двери, где одетые лишь в набедренные повязки, стояли деревянные фигуры воинов-привратников. В руках каждого из них было по копью, а на лицах застыли такие выражения, будто вот-вот, и они готовы были ринуться в бой. Справа от входа располагался шкаф, доверху уставленный разнообразными фигурками – египетскими, азиатскими, родом из Южной Америки. Эти божки и духи мирно соседствовали с чучелами животных, застывших в агрессивных и гордых позах. Вслед за тем экспозиция переходила к живописи. Картины и гравюры различных эпох были развешаны по стенам безо всякого порядка, едва подсвечиваемые огнем камина. В центре комнаты, довершая коллекцию диковинок, громоздился

огромный валун, на котором рука неизвестного мастера оставила хитрый рунический узор.

Гости устроились, каждый на каком-нибудь месте. Кто-то у камина с сигарой и бокалом вина в руке, кто-то за круглым столиком, кто-то в кресле. Пошли разговоры на разные темы. Среди прочих заговорили о колдовстве и о диких обрядах различных племен – обстановка располагала. Поводом для начала разговора послужил рассказ мадам Буле, которая поведала собравшимся, как минувшим летом в Париже ей ужалось побывать на представлении одного фокусника.

- Представляете, - сказала она, - Он заставил исчезнуть целого слона! Не иначе, как колдовством это не назовешь.

- Иллюзия, - махнул рукой доктор Лири.

- Но очень убедительная, - стояла на своем мадам Буле.

В это время все посмотрели на хозяина дома. Уж он-то с его опытом путешественника и исследователя, должен был разбираться в подобных вещах как никто другой. Однако Хамфри не спешил высказываться. Вместо этого он внимательно выслушал рассказ мадам Буле, как-то задумчиво покивал, когда говорил доктор и, наконец, погасив окурок в пепельнице, заговорил сам.

- Да, - сказал он, - Колдовство, магия, ворожба - все эти вещи отнюдь не такие далекие от нашего мира, какими кажутся.

- Объясните, пожалуйста.

- Еще каких-то сто лет назад в здешних краях сжигали ведьм, а в деревнях и по сей день продолжают верить в сглаз и черную магию. Что же касается остального мира - Африки, Азии, некоторых районов Южной Америки, то там колдовство и магия - не просто ритуал, а часть жизни каждого.

- Но, позвольте, - вставил Джексон, - наука доказала, что вера в сверхъестественное не имеет никаких оснований.

- А я и не говорю о вере, или о том, что эти люди правы. Просто это часть их жизни - и все. Ходим же мы в церковь каждое воскресенье. Разве поклонение Христу и вера в какого-нибудь лесного духа - не одно и то же?

- Нет, - мотнул головой Аддамс, - Здесь нечего и сравнивать...

Он собирался добавить еще что-то, но в этот момент заговорила мадам Буле:

- Похоже, сэр Хамфри, у вас есть какая-то история.

Все в этой комнате знали, что когда речь заходит о приключениях Хамфри в экзотических странах, тот всегда становится неразговорчивым. Но в этот раз, похоже, история действительно стоила того, чтобы ее рассказать.

- Да, - ответил Хамфри, - Вы угадали.

На минуту воцарилось молчание - чиновник Аддамс подвигал

себе кресло, Джексон закуривал сигару, доктор сходил к столику с напитками и налил себе бренди.

Когда все были готовы, Хамфри заговорил.

- Это произошло три года назад, во время моего последнего путешествия в Южную Америку. Я путешествовал не один: со мной был профессор Лемуан из Парижа и еще полдюжины человек. Мы...

- Простите, - вставил Джексон, - Не тот ли это историк и археолог Лемуан, который недавно скончался?

- Да, именно он. Об этом писали в газетах.

- Продолжайте же, сэр Хамфри, - взмолилась мадам Буле и Хамфри продолжил.

- Подходил к концу наш последний день пребывания на месте раскопок. Надо сказать, что с помощью местных проводников мы забрались в самые джунгли и десять дней занимались тем, что поднимали находки из древней пирамиды, которая по нашему мнению, принадлежала индейцам майя. Тот вечер был последним, все готовились к отъезду, а я сидел в своей палатке и делал кое-какие пометки в блокноте. Вдруг вбежал один из метисов и еще с порога выкрикнул "они что-то нашли". Потом он рассказал мне, что один из носильщиков случайно оступился и повалился в какую-то дыру в земле. Его товарищи подумали, что он погиб, но

когда вниз спустили фонарь, то увидели, что тот не только жив-здоров, но еще и нашел кое-что. Это, по словам метиса, было настоящее сокровище.

Больше не медля, я тут же выбежал на улицу и в сопровождении метиса добрался до места происшествия. Там меня уже ждал Лемуан. Он улыбался.

"Они нашли древнее захоронение", - сказал француз.

Это и в самом деле было оно - довольно просторная камера, упрятанная на десять футов в глубину. Внутри мы обнаружили кости, а так же украшения из золота, оружие и примитивные доспехи. Тут же вызвали из лагеря рабочих и приступили к выемке ценностей.

- Выемке? - спросила Татьяна.

- Да, так это называется. Все, что имеет историческую либо какую-либо другую ценность, извлекается, затем вход вновь опечатывают.

- А что потом происходит с находками?

- Их отправляют в Англию. Затем часть продается в музей, часть - с аукциона. Некоторые вы можете видеть здесь, - Хамфри сделал жест рукой, обводя свою необычно убранную комнату.

- В общем, переходят в частные руки, - вставил едкое замечание студент Джексон, но на него никто не обратил

внимание.

Хамфри рассказывал дальше:

- Мы подняли первые находки когда стало темнеть. Работы впереди было еще много, но мы с Лемуаном решили остаться и проследить, как идут дела. В это время к нам явился посланец. Вернее сказать, это был гонец с поручением - индейский мальчишка лет десяти, может быть, одиннадцати. Он вышел из леса и сказал: "Нгун хочет видеть вас". Помню, как мы с Лемуаном переглянулись: конечно, нам было знакомо это имя, но что могло понадобится старому колдуну от двух европейцев? Этот Нгун был кем-то вроде духовного вождя, знахарем, шаманом - или наподобие того. Местные считали, что ему больше трех сотен лет, и что будто бы он уже родился старым.

Лемуан спросил у мальчишки на одном из наречий "что Нгуну нужно он нас", но он лишь замотал головой "Нгун хочет вас видеть. Обоих". В тот момент я подумал, что старик, похоже, прознал о новой находке и теперь хочет получить взятку. Эти местные царьки - они все ждут подношения, после чего разрешают вам копаться в земле сколько душе угодно.

- А этот... Нгун, - спросила друг Татьяна, - Он действительно был таим старым?

- Он нет, что вы! То есть, он, конечно, был староват, даже,

может быть, очень стар, но никак не триста лет отроду.

- И вы пошли?

- К нему на встречу, - спросил Хамфри, - Да, пошли. Только я и Лемуан. Почти стемнело, когда мы явились в деревню. Она располагалась на берегу реки - не больше дюжины хижин, построенных из тростника и листьев. Мальчишка указал нам на хижину Нгуна - она была такой же, как и другие, а после этого убежал. Мы вошли внутрь.

Здесь Хамфри сделал паузу, чтобы отпить вина. В горле у него пересохло.

- Перовое, что нас поразило - это был запах. Пахло какими-то растениями, плохо продубленной кожей, рыбными отбросами. Как во всем этом мог жить человек, до сих пор не могу понять. Нгун сидел в углу. Он действительно был очень стар, хотя и не берусь говорить, сколько ему было лет. Он был обнажен, только на шее болталось десятка два амулетов - какие-то косточки, речные ракушки, нанизанные на веревочки коренья. Увидев нас, он поднялся.

"Вы те, кто раскапывает могилы?" - его голос был необыкновенно скрипучим, и говорил он на очень плохом английском.

Ему ответил Лемуан:

"Мы исследователи, и здесь мы занимаемся раскопками".

"Значит - вы", - заключил колдун.

Тут заговорил я:

"Послушайте, - я старался, чтобы мой голос звучал твердо, - У нас есть договоренности с вашим правительством и все необходимые бумаги".

Но не успел я договорить, как колдун прервал меня на полуслове.

"Бумаги! - хмыкнул он.- Что они значат?"

"То, что мы вправе беспрепятственно, пользуясь всяческим содействием..." - начал я, но колдун опять перебил меня.

"Что значат они для мертвых?" - повторил он.

Я достал из кармана сложенный вчетверо лист бумаги. Это было специальное разрешение, выданное местными властями, которое давало нам право на раскопки.

"Вот, здесь говориться...."

Но колдун не слушал.

"Вы договорились с живыми, - сказал он, - Но как собираетесь договориться с умершими?"

"Здесь все ясно, - шепнул мне Лемуан.- Идемте отсюда".

"Подождите, - внезапно сказал колдун, - Я хочу вам кое-то показать".

С этими словами он направился к дальнему концу хижины, долго копался в каких-то тряпках и, наконец, вернулся, неся в руке какой-то темный предмет.

"Вот, - сказал он, - Это станет вашим проклятием".

И протянул руку к свету.

Поначалу ни я, ни Лемуан, не поняли, что лежит на ладони у старика, но потом, когда этот "что-то" зашевелилось, увидели, что это был паук. Гигантский, больше всех, которых я когда-либо видел.

"Его называют странником, - проскрежетал колдун, - И он найдет вас. Отныне вы - прокляты. Все мертвецы, могилы которых вы раскопали, кости которых потревожили – не я - они, проклинают вас".

Бесполезно было и пытаться объяснить что-либо этому старику, ведь с его точки зрения мы были преступниками и заслуживали самого строжайшего наказания. В лучшем случае – осуждения. Что ж, как мне теперь кажется, он имел на это полное право.

"Идемте", - сказал наконец Лемуан и потянул меня за рукав.

"Он найдет вас. Найдет, где бы вы ни были, куда бы не спрятались", - кричал колдун.

Последние слова мы расслышали уже на улице.

Была поздняя ночь, когда мы вернулись в лагерь, а на следующее утро, упаковав находки и погрузив на корабль, отправились в Европу.

Хамфри закончил рассказ и закурил.

- Интересная история, - сказал Аддамс после недолгого молчания, - То есть, этот Нгун вас проклял, так?

- Отвратительный старик, - сказала Татьяна, - И паук! Как это мерзко.

- Поверьте, вся эта история не доставила мне удовольствия, - ответил Хамфри, - Но я рассказал ее только для того, чтобы вы убедились, что для некоторых людей колдовство - такая же обыденная вещь, как для нас... налоги, например. И, конечно, для того, чтобы доказать: никакой магии не существует. Ведь лучшее тому доказательство - я сам. Прошло уже более трех лет, а я все еще жив.

- Благодарю за замечательную историю, - сказал, вставая доктор Лири, - Но уже поздно. И пора по домам.

- Да, верно.

Гости один за другим начали вставать.

- Надеюсь, в следующий раз вы расскажете что-нибудь не менее занимательное, - сказала, прощаясь, мадам Буле.

- О, несомненно, - ответил Хамфри, улыбаясь.

Была глубокая ночь, когда гости разъехались по домам. А наутро пришло известие: сэр Хамфри умер.

Доктор Лири, обследовавший тело покойного поставил диагноз: сердечный приступ.

Спустя два дня, в церкви при местном кладбище состоялись похороны. На них присутствовали и все те, кто был с покойным в последний вечер: доктор Лири, чиновник Аддамс с женой Татьяной, мадам Буле, и Джексон. После церемонии все пятеро отправились домой к доктору и там, сидя за круглым столом в курительной комнате, осушили бокалы.

- Странно, правда? – разорвал тишину Джексон, - Эта его история и то, что произошло?

Ему никто не ответил.

Лири наполнил пустые бокалы, отставил бутылку в сторону, поднялся и отошел к окну. За стеклом по размокшей земле хлюпал косой дождь.

- Я должен вам кое-что сказать, - голос доктора звучал приглушенно. В церкви он так и не проронил ни слова, - Это не был сердечный приступ.

- Что? Как?

Гости внезапно оживились.

- Я заметил крохотную ранку на него шее и сделал анализ. Сэр

Хамфри умер от паучьего укуса. Это оказался яд бразильского странника или бананового паука, как его еще называют.

- Тот самый «странник», о котором говорил этот Нгун, - пробормотал Джексон.

- Да.

- Но позвольте, - Аддамс окинул взглядом всех присутствующих, ища поддержки, - Прошло ведь более трех лет… Это никак не может быть связано. Глупо думать, что все это время…

- Думаю, - прервал его доктор Лири. Он повернулся к присутствующим, и все увидели его серое лицо, в один день постаревшее не много лет, - Все это время паук ПРОСТО ПОЛЗ. Преодолевал джунгли, реки, водопады, бог знает что еще. Затем попал на какой-нибудь корабль, идущий в Европу, оказался в Англии… Дальше вы знаете. Именно тот паук, о котором мы все слышали из рассказа сэра Хамфри, и убил его. Да, я уверен, все это время – долгих три года, он шел к своей цели.

- Странствующая смерть, - выдохнула едва слышно мадам Буле.

- Вот именно, - сказал доктор Лири и замолчал.

КОГДА НАПИТКИ РАЗБАВЛЯЮТ

Он был непомерно толстым, этот тип. Даже не толстым – огромным. И когда он прикладывал рюмку к своим пухлым губам, казалось, она исчезнет там без остатка как крохотный конферансье в складках театральных портер. Он хоть и пил много, но совсем не был похож на обычного пьяницу. Ничего из того, с чем ассоциируются алкоголики – ни тощей физиономии, ни дряблой кожи с припухлостями вокруг глаз, в нем не было. Наоборот, казалось, этот тип дышит и наслаждается жизнью.

Он сказал, его зовут Толя. Анатолий Подначарский. Правда, я так и не услышал, чем он занимается. Судя по манерам, это был мелкий управленец – один из тех, у которых в подчинении ходят несколько хлюпиков, которым нужно еще подтирать зад. Что-то властное в движении его рук навело меня на мысль, что я уже встречал подобный тип. Он мог бы стать дельцом, если бы не был неудачником. Слишком жестокий, слишком злой, слишком циничный. Таких интересуют не деньги и женщины, а количество власти, сосредоточенной в их портфелях.

Я должен был держаться от него подальше. Нет, я совсем не предвзято отношусь к людям, ведь известно: по внешности не

судят. Но мест в баре больше не было, и мне пришлось устроиться рядом.

- У вас свободно? – Спросил я, придвигая стул. За соседним столиком веселилась какая-то компания и я, было, подумал, что толстяк не расслышал моего вопроса.

Спустя несколько секунд он кивнул, не поднимая взгляда от своей рюмки.

Я сел.

Что-то мрачное было в этом гиганте. Даже не мрачное – унылое. Словно кусок пластилина выложили на солнцепек в июле. Даже его голос – неровный и надрывный, звучал тихо и как-то по-детски обиженно.

Не помню, как мы разговорились, да это и не важно. Если перечислять имена всех, с кем мы подружились за рюмкой и с кем тут же разошлись, никакой жизни не хватит. А этот ничем не отличался от других – может только внешностью.

Мы стали пить вместе. Он – водку, постоянно подливая из полупустого графина, я – пиво. Пиво, правда, было разбавленным и на вкус отдавало шампунем.

- Я ведь не пьющий, - его голос был утробным и грустным, как рев кита, - Но иногда мне хочется набраться, до смерти хочется, -

Он икнул. – Она ведь не даёт мне. Говорит «слаб ты на это дело»… Только сидит там и вышивает…

С каждым словом его речь становилась все более неразборчивой, но я понял о ком идет речь. Не так уж редко мне приходилось слышать как пропойцы всех возрастов жалуются на одно и то же: на жен, которые не дают им пить, на детей, которые их забыли, на работу, на которую надо ходить, даже на жизнь, которая не удовлетворяет их высоким требованиям.

- Она просто горгона, - простонал толстяк, - Все сидит там и вышивает… И ает ию… - Его речь перешла в бессмысленное бормотание.

Я заказал еще пива. Толстяк, правда, не совсем раскис. Когда подошла официантка, он поднял на нее осоловевшие глаза и заказал еще «двести пятьдесят». При этом он достал бумажник и, порывшись в нем, протянул девушке купюру довольно крупного номинала. Я заметил, что таких бумажек у него солидная пачка.

- Кто «горгона»? – Я не мог оторвать взгляда от денег.

- Моя жена! - Он взвыл так, что за соседним столиком сразу несколько человек повернули головы. – Вечно достает! Она у меня… - Тут он запнулся.

Официантка принесла выпивку и с невозмутимым видом удалилась.

- Понятно, - выдавил я из себя, все еще думая о деньгах.

Толстяк наклонился ко мне. При этом стол под ним жалобно застонал.

- Она ведь у меня из этих… ик! – богатеньких была, - он как-то странно усмехнулся, - Из кровососов этих, что в семнадцатом в расход пустили.

- Ясно.

- Столько крови у народа высосали. Даже теперь… Она у меня кровь пьет. Совсем уже замучила. А потом… Потом сидит себе вышивает. И Библию читает. А глаза… Глаза такие большущие… - Он опять стал бормотать, и я не разобрал ни слова. Кто-то за соседним столиком затянул песню и ее тут же подхватила вся компания.

- Я… ик! Уже не боюсь ее… Раньше боялся, а теперь нет… - Он опрокинул еще одну рюмку и наполнил следующую. – Не боюсь, и все.

Он продолжал нести что-то о «горгоне» и «кровопийце», но я уже не обращал внимания. Лишь один раз я отвлекся от своих мыслей - когда он внезапно перевернул рюмку и показал мне ее дно.

- Вот такие. Огромные… Смотрит на меня этими глазищами… а я не могу даже пошевелится. Аж кровь в жилах стынет.

Я начал жалеть что вообще подсел к этому типу. В глубине бара освободился столик, и я подумал, не пересесть ли мне туда. Он продолжал говорить. Что-то о своей жене – «горгоне» и «кровопийце». Спустя десять минут мне стало казаться, что я знаю их супружескую жизнь наизусть.

- Не боюсь я ее! – Его кулак опустился на стол так, что рюмка подпрыгнула, - Не боюсь и все. Не сегодня…

Неожиданно он перегнулся через стол и схватил меня за плечо. В этот момент я подносил бокал ко рту, и в итоге несколько капель пролились мне на подбородок.

- Сегодня я выпил, - он хихикнул, - А она этого не любит...

На секунду я заметил, как в его глазах промелькнуло торжество, а потом внезапно он сник. Словно передо мной был не человек из плоти и крови, а резиновая кукла, которую аккуратно прокололи иголкой. Толстяк тяжело сел и замолчал.

Признаться, мне стало его жалко. Иногда человеку нужно выговориться. Но кому, если рядом никого нету? Если оглядываешься на прошлое и видишь там лишь «горгону» и «кровопийцу»? Это как в фильме с Брюсом Уиллисом: он

встречает маленького мальчика (то есть себя, только ребенком), и мальчик спрашивает: «Ты стал летчиком?» - «Нет». «А у тебя есть собака?» - «Тоже нет». «Боже, я вырос неудачником».

Последний глоток показался мне отвратительным. Если бы вдруг выяснилось, что напитки здесь разбавляют ослиной мочой, это не явилось бы новостью. Я встал. Заметив это, толстяк оживился. Он сделал попытку подняться, - еще более неудачную, чем предыдущая - и так же тяжело бухнулся на сидение.

- Надо идти домой… - простонал он. – Надо… ид…

Я подхватил его подмышки и помог встать. Кто-то за соседним столиком отколол по этому поводу шутку, но я не обратил внимания. Кое-как мы протолкались к выходу.

На улице стояла глубокая ночь. Звезд почти не было, зато луна – полная и кровавая, светила как прожектор.

- Ты где живешь? – Спросил я.

Толстяк застонал, выпрямился и разлепил наполовину прикрытые веки. Я надеялся, что свежий воздух приведет его в чувство.

- Здесь, близко… - Он опирался на меня всем своим телом. Кажется, я уже говорил, что он напомнил мне кита, только теперь было совсем другое сравнение – господи, он весил целую тонну!

Вдоль по улице стояли обыкновенные пятиэтажки. Свет горел только в некоторых окнах - вечная болезнь спальных районов. Завтра на работу и все такое. Эти дома всю жизнь напоминали мне клетки – закопченные, многолюдные и страшно сырые. Будто неумелая рука переворачивала ведерки с песком.

Все еще опираясь на мое плечо, толстяк ткнул пальцем в сторону одного из таких домов. Наверное, со стороны мы напоминали двух закадычных друзей, возвращающихся с затянувшейся пьянки.

У подъезда, доставая ключи, он вновь принялся бормотать, но я не разобрал ни слова. Мы вошли. Лифта не было и в помине, а впереди лежала темная лестница. Я глянул вверх, туда, где в пролетах между этажами должен был виднеться свет, но ничего не увидел.

Подняться на третий этаж было непростым делом. Толстяк сопел и кряхтел так, будто это он тащил меня всю дорогу, и я ровно сорок семь раз (по одному на каждую ступеньку), проклял ту минуту, когда я вообще сел с ним за один столик. На последней ступеньке я снял его руку с плеча и прислонил толстяка к стене. Прогулка на свежем воздухе и экстремальный подъем отрезвили его. Он вновь принялся бормотать…

- Она дома… Дома. Сидит там и вышивает… И читает…

Я нажал на кнопку звонка.

- Читает она Библию…

Я не сразу понял, что произошло. Дверь открылась, но света не было. Вместо этого я почувствовал как рядом возник кто-то третий. И я увидел глаза.

Огромные. Даже больше, чем донышки стакана. Словно внутрь той самой рюмки, что показывал мне толстяк, положили по светодиоду.

И, кроме того, я не просто почувствовал чье-то присутствие. Я ощутил как женские руки увлекают меня следом, а потом - дыхание и укус, чуть пониже мочки. Толстяк за моей спиной тихо захныкал: она вновь сделала это.

В этот момент я понял, почему он так усердно напивался. Ведь алкоголь всасывается в кровь, а вампиры – «кровопийцы» и вурдалаки, как впрочем, и нормальные люди, не любят, когда их напитки разбавляют…

ЗАБАВНАЯ ШТУКОВИНА

ШТУКА была просто восхитительной. Даже на корявом рисунке, который Антон набросал в тетради, она выглядела замечательно. Неровные линии и косоватые пропорции воображение дорисовывало до идеальной формы: темное полированное дерево, грозно сверкающий металл, ложбинка посредине – все это было чем-то невероятным!

Неожиданно учительница, которая до этого что-то писала в классный журнал, подняла голову.

- Антон, у тебя какие-то затруднения?

Он огляделся, будто только что понял, где находится. Другие ученики, склонив головы, уставились в свои тетради. Когда он вновь взглянул на учительский стол, там никого не было. Учительница направлялась к нему.

Антон поспешно захлопнул тетрадь.

- Покажи мне свои уравнения, - сказала она.

Антон не пошевелился, вместо этого он крепче сжал тетрадь руками.

- Хорошо, за контрольную – два балла, - учительница развернулась на каблуках и пошла к своему столу. Антон видел, как она с невозмутимым видом вывела в журнале двойку.

Радуясь, что ему не пришлось показывать тетрадь, он поспешно спрятал ее в сумку. После этого достал учебник по истории, открыл на странице, где лежала закладка, и принялся читать: «*В конце восемнадцатого века во Франции…*».

Из школы он отправился в гараж, где уже все было готово. Два длинных бруска, две плоские доски, величиной в половину школьной парты, лист металла. Инструменты – лобзик, пила, рубанок и – главное! – точильный станок, были разложены на верстаке с хирургической прилежностью.

Первым делом Антон достал из сумки школьный учебник, открыл его на уже хорошо знакомой странице и перечитал абзац, выделенный красным: «*В конце восемнадцатого века во Франции …*». Дальше он знал наизусть. История, правда, его никогда не интересовала. Другое дело – картинки. На уроках Антон рассматривал красочные иллюстрации, медленно перелистывая страницу за страницей. Те, что ему нравились, он мог рассматривать часами, другие, что ему нравились меньше или не нравились вовсе, он разрисовывал ручкой, отчего учебник вскоре стал похож на записную книжку.

Именно так однажды он обнаружил и ЭТУ картинку.

Как только Антон увидел ее, дыхание у него перехватило, и весь остаток урока он просидел, уставившись в одну точку. Он

впервые видел нечто подобное. Как это было просто! И гениально! С тех пор прошла целая неделя, но увиденное никак не шло у него из головы. *«В конце восемнадцатого века во Франции …»*.

Сидя за верстаком, Антон перечитывал этот абзац снова и снова, пока от букв не начало рябить в глазах. Затем он встал, выбрал из своего арсенала рубанок и принялся за работу.

Все было готово через два часа и Антон решил позвонить брату. Штуку надо было испытать, а младший братец годился для этого как нельзя лучше. Целых пятнадцать минут он потратил на упрашивания, но мелкий никак не хотел отрываться от компьютера. Наконец после долгих препираний тот сдался.

Антон вновь сел за верстак и углубился в чтение.

- Смотри, какая штука.

- Ну и что это такое? – Братцу явно не понравилось, что его оторвали от любимой игры ради какой-то ерунды.

- Разве не видишь? Это я смастерил.

Мелкий лишь равнодушно пожал плечами:

- Ну и на кой она нужна?

- Дурак ты! Это же супер-штука! Иди сюда, - Антон подтолкнул брата ближе, но тот повиновался с трудом. – Стань на колени.

- Это как?

- Идиот! - Антон сам опустился на колени перед штукой, - Вот так, видишь? – И положил голову в углубление. – Понял?

В этот момент под его весом конструкция пошатнулась и деревянные колышки, сдерживающие отточенное как бритва лезвие, сорвались. Антон не успел издать ни звука – его голова покатилась по полу.

Окинув сцену равнодушным взглядом, мелкий пожал плечами: и что здесь такого? Затем, переступив еще бьющееся в конвульсиях тело брата, подошел к верстаку и развернул книгу. Один абзац был выделен красным: «*В конце восемнадцатого века во Франции была изобретена гильотина – орудие смертной казни, отсекающее голову осужденному. Во время буржуазной революции…* »… и углубился в чтение.

ЖИВИ БЫСТРО, УМРИ МЕДЛЕННО

Я все могу понять, но когда от женщины, садящейся ко мне в машину, разит естественными выделениями, это уже чересчур.

Лиду я подобрал на дороге. Выглядела она не то чтобы сногсшибательно, но вполне сносно. Стояла на обочине и голосовала – не руками, а, скорее, грудью. Сосочки аппетитно торчали под обтягивающей блузкой, и это меня очаровало.

- Подвезете? – спросила она.

Ее голос был слегка с хрипотцой, но я не из тех мужчин, которые воротят нос каждый раз, когда от женщины пахнет табаком.

- Спасибо, - она бросила сумку на заднее сидение, а сама села в пассажирское кресло рядом со мной.

Минут десять или около того мы молчали. Наконец, она попросила сигарету.

Я не курю, но всегда вожу с собой пачку «кэмел» с фильтром и пачку «вирджинии», легкой. Почему-то все попутчики хотят подымить, и почти у каждого нет собственных сигарет.

Она взяла «кэмел».

- Как тебя зовут?

- Это важно? – Я заметил легкую дрожь ее рук. Девушка волновалась, пыталась это скрыть, но получалось плохо.

Я посмотрел на нее в упор. Тут она, видимо, вспомнила, что я и есть тот самый добряк, который подвез ее, угостил сигаретой и спас от двух мучений сразу – необходимости идти пешком и страшного желания курить.

- Лида.

Я кивнул.

- А я – Женя.

Мы пожали друг другу руки. Ее ладонь была жесткой, словно я сжимал ручку стиральной машины. На самом деле, видимо, так оно и было – эта женщина только и занималась тем, что обстирывала мужа, растила детей и убиралась в доме. На вид ей было около двадцати пяти, хотя я сомневался даже в этом. Судя по комплекции и голосу, ей только недавно стукнуло девятнадцать.

- Далеко направляешься?

Она ответила не сразу, делая вид, будто затягивается сигаретой.

- Подальше отсюда.

- Бежать без оглядки? Неважно куда, важно – от чего?

Она метнула на меня испепеляющий взгляд своих карих глаз.

- Да что вы вообще знаете? Почему вообще всем вам так интересна моя биография? Прошлый тоже спрашивал куда и зачем я еду. Не все ли равно?

Я пожал плечами.

- Просто мне нужно знать, где тебя высадить.

Она поняла, что совершила ошибку, вызверившись таким образом на абсолютно незнакомого ей человека. Внезапно мне стало интересно, откуда и сколько уже эта девушка добирается на попутках. И еще – как расплачивается со своими «добродетелями»?

- Не страшно садиться в машину к незнакомцу… ночью?

- А что?

Я пожал плечами.

- Ничего.

- Можно мне еще сигарету?

- Конечно.

Лида вновь взяла «кэмел» и прикурила новую сигарету от старой. На мгновение ее пальцы попали в круг света, и я увидел на одном из них синяк - темная полоска обхватывала фалангу, словно обруч. Видимо, еще совсем недавно Лида носила обручальное кольцо, которое было ей маловато.

Значит, замужем. Или, по крайней мере, была. Внезапно все стало понятно: неудачный брак, муж-алкоголик, любящий к тому же распускать руки, надоевшая квартира, в которой все течет и разваливается... После двух-трех лет совместной жизни эта женщина поняла, что единственный способ что-либо изменить – просто сбежать. Может, вернуться к родителям в город, где прошло ее детство, а может, укрыться на время у подруги. В любом случае, выбор был не так велик, как могло показаться.

- Личевск...

Это было сказано неожиданно и без особого выражения, словно в полудреме.

- Что?

- Личевск. Там живут мои родители.

- Туда едешь?

Она кивнула.

- Это по пути, - сказал я.

Лида загасила сигарету одним быстрым движением.

- А вы? Куда едете?

Я включил радио.

- Любишь музыку?

Из колонок, установленных в задней части салона, зазвучали простые биты попсовой песенки.

- Так куда?

Я пожал плечами:

- Туда-сюда. Мотаюсь по дорогам.

- А на жизнь чем зарабатываете?

- Перегоняю машины. Эту, кстати тоже.

Лида окинула взглядом салон:

- Ничего машинка. Дорогая?

- Ну, в меру.

- А не слишком быстро едете, - для чужой машины?

Я пожал плечами.

- Живи быстро, умри молодым – так говорят.

Впереди показался знак поворота, и мне пришлось сбавить скорость. Заметив это, моя спутница почему-то запаниковала:

- Это не тот поворот! Мы должны ехать по главной дороге.

- Мне нужно быть в Орлове к семи. И это самый короткий путь.

Она расслабилась. Впервые с тех пор, как Лида села ко мне в машину, стало видно, что руки у нее дрожат заметно меньше.

- Наверное, за столько времени вы выучили эти дороги наизусть?

- Совсем немного. Вообще-то это на такой случай есть карта.

Она слегка привстала, развернулась и полезла зачем-то на заднее сидение. Я вспомнил, что там стояла ее сумка. Бросив взгляд в зеркальце заднего обзора, я увидел, что между зубчиками молнии торчит наружу краешек чего-то красного – может, трусиков, а может, платка.

Лида достала косметичку.

- Я видел у тебя на пальце след от обручального кольца. Замужем?

Лида кивнула, не поднимая головы от косметички – желтой сумочки из дешевой ткани. Что-то она там искала.

- Давно?

- Я развелась. Три года назад.

- Это печально.

- Поверьте, ничего печального здесь нет, - она подняла на меня взгляд, и в который раз я заметил в нем злость, - Муж сломал мне четыре ребра, а так же челюсть – в нескольких местах. После его побоев у меня был выкидыш. Так что я упекла его за решетку.

Я не ожидал такой откровенности.

- В самом деле?

- Ага. На три года. И эти три года показались мне раем…

Она неожиданно умолкла.

- До позавчерашнего дня.

Внезапно я все понял. И в какую-то минуту, я готов был поклясться, мне стало ее жалко.

Лида извлекла из косметички платок, и принялась вытирать им глаза – у краев. Тушь оставляла на ткани темные разводы.

Я смотрел, как она это делает, и постепенно приходил к выводу, что в нашем мире правит лишь сила. И еще, возможно, глупость. Если бы в молодости эта женщина не совершила ошибки, выйдя замуж за маньяка, ничего бы с ней не случилось.

- И что теперь? – спросил я.

- В каком смысле?

- Ну, он вышел, ты бежишь…

- Да, бегу. Потому что у меня нет выбора. Он сумасшедший. И он убьет меня, когда найдет.

Я остолбенел. Руль в моих руках превратился в кусок льда, пальцы одеревенели.

- В переносном смысле?

Она усмехнулась:

- Конечно нет. В буквальном. Он обещал еще там, на суде. Сказал: «я отрежу твои ебанные сиськи и запихаю их тебе в рот».

На минуту воцарилось молчание.

- Как это понимать?

Она рассмеялась – не весело, а, скорее, безумно. Так смеются пациенты психиатрических лечебниц.

- Я не шучу. Возможно, он сейчас охотится за мной. Гена держит свои обещания.

- Охотится?

- Именно.

- Как... за животными? В лесу?

- Что-то типа того.

Охотится? Убьет? Господи, девочка, тебе нужен квалифицированный специалист, и срочно.

Я хотел сказать это вслух, но вместо того почему-то спросил:

- Это шутка, да?

Лида не ответила. Попсовая песенка закончила отбивать свой дурацкий ритм и в машине на секунду воцарилась тишина. Затем голос диктора – хорошо поставленный баритон, принялся сообщать последние новости:

«И снова к новостям. На дороге Орлов-Чегорск зарегистрировано очередное происшествие. Молодая женщина... ».

Я потянулся к регулятору громкости, чтобы отключить звук, но Лида остановила мою руку на полпути.

- Не надо.

«...в лесополосе в двадцати метрах от дороги. Жертву не удалось опознать, однако сотрудники милиции полагают, что ею стала проститутка, подсевшая в проезжающую машину».

Лида в ужасе закрыла рот рукой.

- Боже...

Я улучил момент и щелкнул выключателем приемника. Кажется, я угадал ход ее мыслей.

- Послушай...

- Это он! Это мог сделать только он!

Ее всхлипывания внезапно стали громче.

- Послушай меня! - не упуская из виду дороги, я тряхнул девушку за плечо, - Никто за тобой не гонится! Мы одни на здесь, – видишь?

Вокруг нас действительно не было ни машины – ни сбоку, ни впереди, ни сзади. С тех пор, как я повернул у того указателя, мы оказались словно изолированы от всего остального мира.

Лида вытирала платком слезы.

Я все еще был уверен, что все это не более чем дурацкий розыгрыш – даже не смотря на ее рыдания. За свою жизнь я видел столько женских истерик, что любая ее слезинка казалась мне не более значимой, чем, к примеру, капля дождя. И все-таки я реши идти до конца.

Подыграть было несложно.

- Положим, он гонится за тобой, - Лида посмотрела на меня. Ее лицо было бледным, а глаза красными, как у наркоманки, - Что с того? Мы свернули там, – помнишь? Он ни за что не догадается, где нас искать.

Минуту она молчала. А потом внезапно изрекла то, чего я больше всего боялся услышать:

- Он найдет.

В ее словах не было ни капли бравады, дескать: «найдет и все тут», наоборот, сказано это было без какого-либо выражения, словно констатировался некий факт, не требующий подтверждения.

На минуту мне стало по-настоящему страшно.

Так бывает страшно только в одном случае - когда внезапно оказываешься на пороге смерти.

- А машина? Он же не может идти вот так, пешком. Ему ведь нужна машина.

Внезапный лучик надежды… или, вернее сказать, соломинка.

Лида взяла сигарету, покрутила ее между пальцами, и только затем прикурила.

- У Гены есть машина. Фиолетовая «девятка».

Вот оно! Я знал, что не нужно было попадаться на эту удочку. Много ли в мире фиолетовых «девяток»?

- Фиолетовая, говоришь?

Она кивнула, и растрепанные волосы дернулись как веревки на висельном дереве.

- Значит, твой муженек ездить на ФИОЛЕТОВОЙ «девятке»?

- Ага.

- А может на лиловой? Или на серо-буро-малиновой?

- Не верите мне?

Мне хотелось сказать это как-нибудь мягче, но слова уже рвались из горла наружу:

- Нет, девочка, не верю. По-моему, вся твоя история и выеденного яйца не стоит. Не думаю, что у тебя вообще когда-нибудь был муж. Мне сдается, ты просто сбежала из дому от родителей подальше, и выдумала эту жалобную историю для таких как я – чтобы подвозили и не задавали лишних вопросов.

- Не верите?

- Я же сказал – нет.

- Тогда в самом деле за нами НЕТ никакой «девятки».

На секунду воцарилось молчание, а потом фиолетовая «лада» неожиданно обогнала мою машину и пристроилась сбоку.

- Твою мать! – я не смог сдержаться и выругался.

В машине сидел парень лет двадцати пяти. Поза его была такова, что он мог одновременно смотреть на дорогу впереди себя, и видеть нас.

Внезапно он повернул голову и уставился на меня. Наши глаза встретились, и даже не таком расстоянии я увидел, что у парня они черные, как уголь.

Лида притихла у себя на сидении.

Минуту между нами длилось некое немое противостояние. Наши машины ехали почти впритык друг к другу, на одной скорости, и парень не сводил с меня взгляда.

А потом вдруг он улыбнулся.

Это была даже не улыбка – оскал. Желтые, как у животного, зубы, сверкнули между тонких полосок бескровных губ.

Меня пробрал озноб. Когда люди вот так улыбаются, от них не стоит ждать ничего хорошего.

Внезапно парень ударил по газам. Фиолетовая «лада» сорвалась с места, и как сумасшедшая понеслась вперед. Вскоре красные блики ее габаритных огней растворились в сумерках.

Я сбросил скорость. Руки дрожали, во рту пересохло.

Лида сидела, обхватив лицо руками.

- Это был… он?

Она молча кивнула.

- Черт подери…

Куда я ввязался? Оказался не в том месте, не в то время. И подсадил к себе в машину не ту девушку.

Чтобы немного успокоится, я вновь включил радио.

«Пресс-служба внутренних дел не подтверждает и не опровергает слухи о серийном убийце, якобы орудующем на дороге Орлов-Чегорск. Скорее всего, утверждают представители органов правопорядка, - эти происшествия никак между собой не связаны»…

Я посмотрел на Лиду и увидел, что она внимательно слушает сообщение по радио.

- Ну и денек, - сказал я, отключая магнитолу.

- Он уехал? - голос ее звучал, как стон бесплотного призрака.

- Да, уехал.

Сумерки сгущались, и мне пришлось включить фары. На дороге по-прежнему не было ни машины – мир вокруг нас будто вымер.

- Еще долго… до ближайшего города?

- Не знаю, может полчаса.

Лида закурила.

Все происходящее казалось мне каким-то сном. Словно падаешь и барахтаешься в тухлой мутной воде, откуда никак не

можешь выбраться. Утешало одно – этот кошмар скоро кончится. Впереди будет город, а там – люди, обычная суета, горячий кофе… Повседневные вещи, но такие далекие сейчас.

- Ты в порядке?

Лида кивнула.

Неожиданно я подумал о ее бывшем муже как о вампире, который одним только взглядом высосал из нее всю энергию. Девушка выглядела опустошенной, словно сосуд, из которого выкачали весь воздух.

- Он искал меня.

- Знаю.

- Он не отступит. Больше – нет.

- Он уехал. Все в порядке.

- Нет. Уже не в порядке.

Я не успел ответить, потому что внезапно фары моей машины выхватили из мрака капот другого автомобиля. Фиолетовая «девятка» стояла посреди дороги, развернутая лицом в противоположную сторону. Ее фары не горели.

Я изо всех сил ударил по тормозам.

Машину резко занесло вправо, шины завизжали. Лиду бросило на пассажирскую дверь, а ее сигарета выпала из рук и покатилась по полу. Сам я вжался в сидение и намертво вцепился в баранку.

Мою машину успело развернуть на шестьдесят градусов, прежде чем та остановилась.

Не думая ни секунды, я отстегнул ремень безопасности и толкнул дверь.

- Все. С меня хватит.

К сожалению, я слишком поздно заметил фигуру, вынырнувшую из темноты. Лида что-то прокричала, но я уже не слышал – пять сантиметров стали вонзились мне в правое плечо.

Боль была шокирующей. Перед глазами вспыхнул белый свет, словно от взрыва, а потом все вдруг залилось красным. Я понял, что брызнувшая кровь попала мне на лоб и глаза.

- Ты кто такой?! – заорал Гена.

Я смог только хрипеть.

Он надавал сильнее, и нож вошел глубже. Я услышал, с каким противным звуком сталь коснулась кости, оставляя там бороздку.

- Говори!

Краем глаза я увидел, как Лида подбежала к нему сзади и принялась колотить руками по плечам и спине. Особо не напрягаясь, он оттолкнул ее одним движением локтя.

Это дало мне нужный шанс. Секунда – и мое колено с размаху вонзилось ему в пах. Гена взвыл, выдернул нож, и замахнулся им, метя мне в лицо. Вторым ударом я оттолкнул его от себя.

Гена полетел вниз, упал на дорогу и с размаху ударился головой об асфальт.

- Убей его! Убей!

Лида кричала, как сумасшедшая. Локоть ее бывшего муженька попал ей в лицо, которое теперь было сплошь залито кровью. Знаю, что сам выглядел не лучше, но ее вид был полностью демоническим. Словно обезумевшая, она носилась вокруг.

- Убей его! Убей! Убей!

Гена и не пытался подняться. Вместо этого он только стонал, а пальцы его то и дело сжимались и разжимались.

Я вытер нож о штанину, и, сложив его, сунул в карман. Затем обошел свою машину и открыл багажник.

- Что ты делаешь? – к Лиде вернулось осознание происходящего, и она застыла, как вкопанная.

Я достал топор.

- Что это? Что ты собираешься делать?

Я подошел к распростертому на дороге телу ее бывшего муженька и замахнулся. Первым ударом я отсек ему кисть руки.

Лида закричала.

Она обхватила лицо руками и не переставала кричать, пока я не нанес ему последний удар. А потом я повернулся к ней, и она заткнулась – но только на мгновение.

Она вновь принялась кричать, когда лезвие топора отсекло ей правое плечо – от шеи и до самой груди…

«Обнаружены две новые жертвы Сумасшедшего С Топором, как окрестили преступника местные журналисты. Теперь совершенно ясно, что это мы имеем дело с серийным убийцей, и это дело должно находится в компетенции федеральных служб, которые в настоящее время организуют широкомасштабные поиски»…

ПОДВАЛ

- В который раз тебе говорю: все это чушь, выдумки!

- Но, папа, я ВИДЕЛ!

- Ерунда, монстров не существует!

Двое – мальчик и мужчина, стояли на лестнице, ведущей в подвал. Мальчик – все еще напуганный необыкновенной реальностью своего ночного кошмара и его отец, непреклонный в решении развеять беспричинные, как ему казалось, страхи сына.

- Он все еще там, - захныкал мальчик видя, как его отец поворачивает дверную ручку.

- Что я тебе говорил! – прикрикнул мужчина, и в этот момент дверь распахнулась.

За ней обнаружился темный проход. Изнутри пахнуло плесенью, землей и… грибами?

- Нет, папа! Там МОНСТР!

Но мужчина схватил мальчика за руку и потянул ко входу. Кроме них двоих в доме никого не было.

- Смотри!

- Там ТЕМНО!

Чиркнула спичка – это мужчина захватил с собой коробок на тот случай, если придется спускаться вниз. Как видно, пришлось. С потолка капало. Нет, с водопроводом в доме все было в порядке, просто конденсат собрался, и все. В дальнем конце подвала располагался пузатый котел для подогрева воды.

- Видишь? – спросил отец, немного растерявшись.

Некоторое время мальчик молчал.

- Но я СЛЫШАЛ, - сказал он настойчиво, - Слышал, как ОНО поет.

- Оно? Оно? Да здесь нет даже мышей!

- Оно их ЕСТ, папа, - сказал мальчик шепотом, глядя отцу прямо в глаза, - Оно их ест. ПОЭТОМУ у нас нет крыс.

- Ерунда! Вот увидишь – ты у меня больше к компьютеру не подойдешь! Надо же – такое выдумать!

- Но, папа!

- Все, я сказал!

Спичка погасла и мужчина зажег новую. В воздухе запахло серой. Где же выключатель? Этот подвал жил своей жизнью, в отличие от остального дома. Сюда редко спускались, и то, лишь в тех случаях, когда барахлил котел. Впрочем, сразу после переезда несколько лет назад, они с женой снесли сюда всякую рухлядь, оставшуюся от прежних владельцев. Кто знал, может они еще вернуться за своими вещами? Но никто так и не вернулся. И теперь старенький велосипед, уже почти заржавевший, толстый комод, какие-то стекла и оконные рамы, прислоненные к стене в дальнем углу, считались чем-то само собой разумеющимся.

Однажды мужчина спустился в подвал и обнаружил там старенькую «Радиолу» - проигрыватель для пластинок, а вместе с ним – гору винилов. Брошенные в углу, они покрылись толстым слоем пыли, будто какие-то археологические редкости. В сущности, такими они и были. Здесь нашлись записи пятидесятых, шестидесятых годов и ни одной современной песни. И теперь

мужчина жалел, что не расчистил подвал прежде… Например, тот же самый шкаф все еще лежал на боку как поверженный солдат. А ведь стоило хотя бы поднять его, раз уж это не удосужились сделать прошлые жильцы.

Мужчина отпустил руку мальчика, зная, что теперь он никуда не побежит. Он помнил себя в таком же возрасте и знал, как пугает темнота. Даже если рядом отец, который вот-вот зажжет очередную спичку…

Пламя вспыхнуло, осветив крохотный закуток подвала и шкаф, лежащий плашмя. Мужчина обошел его кругом. Огонек померк в его ладони, но выстоял. На потолке вновь затрепетали тени.

- Папа? – позвал мальчик.

Мужчина решил не отвечать. Он нагнулся над лежащим шкафом, нащупал ручку и потянул. Дверца охотно поддалась, скользнула вниз и грохнулась о пол. Сорвавшаяся петля зычно ударилась о бетон.

Шкаф был полон земли. До самых краев – не поднимешь. А если и удастся каким-то чудом это сделать, тогда вся земля высыплется на пол.

- Папа?

Мужчина метнул на сына полный гнева взгляд.

- Ну что еще?

- ОНО там, папа.

В этот момент спичка больно обожгла мужчине пальцы и погасла. Он полез в карман за коробком, но нашел лишь пустую картонку.

- Оно там, папа, - повторил мальчик и в этот момент оба услышали, как земля из перевернутого шкафа вываливается на пол. Громче кричал, конечно, мужчина.

ПРОБЛЕСКИ СОВЕСТИ

- Вы когда-нибудь видели что-либо подобное? – Спросил полицейский.

Инспектор не ответил. Вместо этого он в который раз окинул взглядом богато убранную комнату – полки с томами редких изданий, дубовый стол, картины на стенах, изображавшие одетого в мундир мужчину преклонных лет, и в конце осмотра остановился на чудовищно изуродованном трупе, безвольно осевшем в кресле. Человек с картин и этот мертвец были одним и тем же лицом, за исключением того, что теперь мужчина был одет

в домашний халат, распахнутый от шеи до пояса, а все его тело покрывали страшные алые полосы, оставленные ножом. Рукоятка ножа торчала у того из груди.

- Бедный барон Тауэнбах! Какая потеря…

Инспектор бросил на подчиненного суровый взгляд и тот осекся на полуслове. В этот момент на пороге появился другой полицейский.

- Конюха арестовали. Он внизу.

На это инспектор только кивнул. Его мысли по-прежнему были далеко.

Полицейский исчез, но вслед за ним в дверном проеме возникла другая фигура – гораздо крупнее и внушительнее. Казалось, от присутствия этого человека воздух в комнате мгновенно загустел, и им стало трудно дышать. Полицейские, кроме инспектора, выпрямились по стойке «смирно».

- Инспектор Твардовский, - пробасила фигура, - Уже нашли убийцу?

- Как вы слышали, арестован конюх. Полагаем, лишь он да еще престарелая кухарка были в доме в момент убийства.

- Полагаете?

Плотная фигура, а это был начальник городской полиции Рюхин, проплыла мимо инспектора, оказавшись почти вплотную к

бездыханному телу барона.

- Ужасно! Исполосован от шеи до пят! – Пробасил он, - Да-с… Так значит, ПОЛАГАЕТЕ, но не УВЕРЕНЫ?

- Пока ничего нельзя утверждать.

- Вздор!

Рюхин прошествовал мимо неуклюжего и длинного словно гроб письменного стола, и остановился у книжных полок.

- А этот нож? - Казалось, он обращался к томам Аристотеля и Платона, и, поскольку Твардовский промолчал, получил ответ от одного из полицейских.

- Таким пользуются для разделки лошадиных туш. Здоровенный, ваша светлость…

Стоя лицом к полкам, Рюхин поморщился. Но когда он обернулся, на его лице играла улыбка.

- Значит, все-таки конюх.

Это звучало как утверждение, но Твардовский лишь покачал головой.

- Боюсь, нет.

- То есть как это – нет?

- Когда мы приехали, дверь была заперта. Изнутри.

Рюхин бросил взгляд на полицейского и тот молчаливо подтвердил слова инспектора.

- Ничего не понимаю! – Начальник полиции сделал несколько шагов по комнате, заложив руки за спину. – Это дело дурно пахнет! Дурно, я вам говорю. Было нам мало одного убийства в этом доме, и вдруг – на тебе – второе!

В самом деле, около года назад Рюхин и Твардовский уже встречались в этой комнате. Тогда был убит сын барона – Владимир Тауэнбах. Причем многие говорили, что это дело рук самого барона. Тело молодого человека нашли его спальне буквально разрезанным на куски. Инспектор до сих пор не мог забыть, как подойдя к окну, чтобы подышать воздухом, он нашел на подоконнике отсеченный палец. Другие части тела, даже внутренности, были разбросаны по всей комнате. Самое странное в этой истории было то, что сам барон даже не пытался отрицать своей вины. Он просто продемонстрировал ошарашенным полицейским нож для рубки лошадиных туш. Впрочем, никто его и не обвинял. По-крайнем мере, открыто.

И вот теперь, почти год спустя, история повторилась. Правда, на этот раз жертвой стал сам барон.

- Заперта изнутри! – Продолжал Рюхин, - И что ж, вы хотите сказать – ОН САМ с собою такое сотворил? Но это же чушь! Или, может быть, это призрак баронета отправил батюшку на тот свет? Небылицы!

Полицейские переступали с ноги на ногу. Было видно, что им неприятно находиться в одной комнате с мертвецом, даже дышать этим воздухом, в котором если принюхаться, чувствовался сладковатый запах крови. А тут еще истории о призраках…

Положение спас молодой курсант, появившийся в дверях.

- Прошу прощения, - сказал он, - Господин инспектор, по вашему приказу доставили личного врача барона, покойного…

Получив разрешение идти, курсант удалился.

- Что еще за новости? – Рюхин покраснел от негодования, - Зачем было вызывать врача? Хотите, чтобы он дал ему оживляющее снадобье?! Объяснитесь!

- Через минуту, господин начальник, вы получите все объяснения. А сейчас я хотел бы вас покинуть.

Рюхин только махнул рукой:

- Ступайте.

Твардовского не было минут десять, а когда он вернулся, на его лице блуждало странное выражение, которому было сложно подобрать описание.

- Ну и что? – Устроившись в одном из кресел, Рюхин набивал трубку, - К чему весь этот цирк?

Удостоив начальника лишь мимолетным взглядом, Твардовский шагнул к одному из полицейских и что-то шепнул

ему на ухо. Тот, видимо, все понял, потому что тотчас кивнул своему напарнику и оба они вышли из комнаты. В помещении остались только инспектор, его начальник, да еще труп барона, развалившийся в кресле, словно старый пьяница.

- Начнем с того, - сказал Твардовский, - Что конюх невиновен. Я уже приказал его отпустить.

Рюхин хмыкнул:

- Прелесть! И кто же тогда убийца – эта древняя кухарка?

- Нет, - Твардовский спокойно проследил движение дыма к потолку, затем продолжил – Это был сам барон.

И прежде, чем последовал новый вопрос, добавил:

- Кухарка видела, как в середине ночи барон спустился вниз. А когда возвращался к себе, в его руке был нож…

- Ерунда! Как человек может сделать с собою такое?

- Помните, год назад – убийство Владимира Тауэнбаха?

Рюхин хмыкнул:

- Такое не забудешь.

- Я не случайно вызвал его личного врача. Кое-что показалось мне странным.

- Запертая изнутри дверь, я полагаю. Но к чему здесь врач? И прошлогоднее убийство? Виновник так и не был найден.

- Но многие до сих пор сходятся во мнении, что это было

делом рук барона.

Рюхин поднялся, кресло под ним скрипнуло.

- Не тяните, - сказал он.

Твардовский откашлялся.

- Положим, - начал он, - Год назад Тауэнбах ДЕЙСТВИТЕЛЬНО убил своего сына. Никто не знает, почему… Но я уверен, что именно так и было. Он сделал это с помощью ножа для рубки лошадиных туш, - инспектор указал на тело барона, - Точно такого же.

- И что? К чему эти загадки?

- Дверь была заперта изнутри. Значит, кроме барона здесь никого быть не могло. Смотрите – в кабинете нет окон, а это значит, что преступник никуда бы не делся. Мы приехали почти сразу, тело еще не успело остыть. Взломали дверь, бегло осмотрели труп, а затем я послал за врачом барона.

- Но зачем? – Воскликнул Рюхин.

- Доктор рассказал мне кое-что важное. Например, что после смерти сына барон сильно изменился. Его начали посещать приступы лунатизма.

- Лунатизма? – Не найдя пепельницы, Рюхин принялся выбивать трубку в стоявшую на столе пустую чашку, - Но какое это имеет отношение…

- И сегодня, - продолжал Твардовский, - Я уверен, с ним случился именно такой приступ. Барон просто спал, когда спускался вниз, и все еще спал, запирая эту дверь.

- Считаете, это он сделал с собою. САМ?... Пока с ним был этот… приступ?

Некоторое время инспектор молчал.

- Думаю, - наконец сказал он, подбирая слова, - В каждом из нас живут две, а иногда и больше личностей. Днем мы одни, вечером – совершенно другие… И каким-то образом та, вторая личность, не смогла простить барону содеянного. Где-то в глубине души он ненавидел себя, а может, хотел умереть…

- Вы говорите о раскаянии, - мрачно констатировал Рюхин.

- Да, раскаяние – подходящее слово. Но все же, я считаю, что даже в самых темных душах та часть, которую мы именуем совестью, рано или поздно пробуждается ото сна.

ЗАБАВЫ РАДИ

Была середина лета. *Ну, не совсем СЕРЕДИНА,* - размышлял Антон, разглядывая темно-синее небо у себя над головой, и звезды и только что взошедшую белую луну, - *ведь всего лето составляет девяносто два дня, а сегодня 16 июля, а значит, минуло уже сорок шесть дней – БОЛЬШАЯ половина этой поры года. Да, лето ПРОХОДИТ,* - опять подумал Антон. В его юношеском мозгу еще находилось место крайностям, когда середина – это уже не половина, а что-то гораздо более близкое к концу и бесконечно далекое от начала, когда все еще впереди. *Проходит, да,* - подытожил он, срывая травинку и кладя ее в рот. На вкус та оказалась словно сено, хотя он никогда не пробовал сено – просто такое было у него ощущение.

- О чем задумался? - Спросил, подойдя, дедушка.

Антон ответил не сразу. Огонь костра приятно грел его, и мысли его были далеко – дальше луны и звезд над головою.

- Так, ни о чем, - ответил Антон, - А мясо скоро будет готово?

Он, конечно же, имел в виду шашлык. Ведь они вчетвером – папа, мама, дедушка и сам он, приехали сюда именно за этим. А еще – чтобы жить в палатке и купаться в речке. Припаркованный микроавтобус отца стоял неподалеку, тут же горел костер и

приятно дымилось на угольях другого, уже погасшего костра, мясо. Здесь же была и река – густая и неподвижная, словно масло, вода, иногда тихо булькала – так, словно рыба в ней плескалась у самой поверхности.

На этом берегу было тихо и уютно, а вот противоположный берег реки казался Антону мрачным и угрюмым. Там в темноте шумели сосны и изредка кричала какая-то птица, видно, что лесная, ибо такого голоса Антон в жизни не слышал.

- Проголодался, да? – спросил дед и ласково потрепал внука по волосам.

- Ага, - честно ответил Антон, жуя травинку.

- Нравится тебе здесь?

- Да.

- Ну вот и хорошо. А то мы с твоим папой боялись, что тебе-то придется не по нраву жизнь в лесу.

- В лесу? В палатке? Еще бы мне не нравилось!

- Хорошо, хорошо, - дед уложил подскочившего, было, Антона обратно на траву, - Только ты в лес один не ходи. Понимаешь меня? Даже если очень захочется. Лучше попроси маму или папу, или меня – к примеру, проводить тебя.

- Да я не маленький какой-нибудь, - отмахнулся Антон, - Сам могу в туалет сходить, без сопровождения.

- Знаю-знаю. Просто ночью в лесу легко заблудиться. Здесь костер – да, светло и уютно, а там, - Дед показал в противоположную от реки сторону, куда-то, где начинался лес. Деревья там стояли ровными рядами как солдаты на параде – никакого молодняка, никакого подлеска – все сплошь ветвистые, крепкие ели да сосны, - Глушь да темень. Не хватало нам еще тебя посреди ночи разыскивать. Вот, - старик протянул внуку фонарик, - Держи, пригодится.

- Все к столу! – Позвала мама.

Запах шашлыка уже давно манил всех четверых, поэтому желающих отказаться не нашлось. Все очень быстро собрались у огромной скатерти, расстеленной прямо на земле, у костра. На тарелках лежали нарезанные дольками свежие огурцы и помидоры, отец с дедом откупорили бутылку вина, затем – для Антона, открыли лимонад. Мясо подавали на длинных, словно шпаги, шампурах. Слегка недожаренное, сочившееся соком, самое вкусное мясо на земле. Антон ел, заедая его ломтем свежего хлеба, и думал о том, что сегодняшняя ночь, пожалуй, одна из лучших в его долгой (так он считал), жизни.

Во время их пиршества никто не разговаривал, разве что отец обронил одну-две фразы о том, какие ночи сейчас теплые и что

завтра неплохо бы поудить рыбу. Его поддержал дед, который сказал, что завтра на рассвете нужно встать и забросить удочки.

Так они ели, пока все не насытились. После ужина, уже, к слову сказать, позднего – ведь была глубокая ночь, каждый занялся каким-нибудь делом. Мама собирала со скатерти посуду, отец устроился на расстеленном возле палатки одеяле и курил, а Антон принялся играть с фонариком, который дал ему дед. Он водил лучом из стороны в сторону, направлял его в реку и на противоположный берег, затем принимался крутить им, будто световым мечом, который видел в «Звездных войнах». Наконец, он нашел новую забаву – подносить свет фонарика к подбородку и говорить загробным голосом – это он тоже видел в кино.

- Поосторожнее с этим, - сказал дед.

- С чем? – Удивился Антон.

- С ЭТИМ. Со светом. Не надо почем зря палить вверх, иначе можно привлечь ИХ.

Антону показалось, что его отец, который слышал их разговор, хмыкнул.

- Кого это – их? – Спросил Антон.

- ИХ – тех, которые вверху.

- Брось, папа, - Сказал отец, бросая окурок в костер, - Никаких «их» и «этих» не существует. И «вверху» никого нет.

Дед ухмыльнулся, и эта ухмылка не понравилась Антону, который только что сытно покушал и предвкушал всякие развлечения (правда, какие – он не мог сказать); что-то недоброе было во взгляде деда. Недоброе и загадочное, словно ты впервые слышишь какое-нибудь слово и не понимаешь его значения, а потом СМУТНО догадываешься, что слово это – нехорошее. Злое, что ли. Смысла не знаешь, а догадываешься – и все тут.

Так было и в этот раз; в ухмылке деда явно читалось что-то, что Антон, с его скудным жизненным опытом, мог описать как «таинственное» или «таинственно-непонятное». Было страшно.

- Ты так считаешь? – Спросил дед его отца.

- Не «считаю» - так и есть. Ты, папа, своими историями кого угодно напугаешь.

- А кто они – «эти»? – Спросил Антон.

Прежде, чем его отец успел вставить свой комментарий, заговорил дед:

- Если вот так будешь светить в небо – узнаешь. Одному богу известно, кто там вверху и что им надо. А вот свет твоего фонарика они могут принять за приглашение. Могут подумать даже, что их здесь ждут – и спуститься.

- Откуда спуститься, дедушка?

- Из-за туч, конечно. Или еще откуда-нибудь дальше. С неба.

Антон покосился на фонарик в своих руках так, будто в том заключалась смертельная опасность. Дед и в самом деле говорил очень странно и к тому же – серьезно. Ни тени озорства не было в его глазах, будто все сказанное являлось правдой, и правдой такой – известной лишь ему одному, старому человеку, который много пожил и многое знал.

А ведь и в самом деле, - подумал Антон, - *если направить свет фонарика вверх и поводить им из стороны в сторону, это ведь очень похоже на луч прожектора. Будто на посадочной полосе.* Он никогда не бывал в аэропорту, но хорошо представлял себе, что наверняка с земли путь приземляющимся самолетам подсвечивается именно такими прожекторами.

- Ну, все, - сказал отец, - Если на сегодня вы закончили говорить об инопланетянах и прочих «пришельцах», то пора спать.

- Помни, что я тебе говорил, - похлопал Антона по плечу дед.

И они отправились спать. Палатки было две; в одной спали папа с мамой, в другой расположились дедушка и Антон. Устраиваясь на ночлег, Антон еще раз посмотрел на фонарик. Включил, выключил. Затем вновь. Издалека казалось, что палатка разгорается изнутри, как брюхо светлячка.

- А что им нужно? – спросил внезапно Антон, когда они улеглись.

- Кому?

- Ну, тем, «сверху»?

- Я не знаю, - пожал плечами дед.

- А ты видел их когда-нибудь?

- Нет, не видел. Спи.

- Интересно, а правда ли они сверху все видят? И свет моего фонарика – тоже? – последние слова Антон произнес тихо, и его никто не услышал. Потом его сморил сон.

Он проснулся в середине ночи. Сначала он долго ворочался, пытаясь заглушить ноющую боль внизу живота, а затем, гневно ударив по одеялу рукой, встал. Дед рядом мирно сопел. *Пускай еще кто-нибудь скажет мне, что стариков мучает бессонница*, - подумал Антон. В темноте его рука нащупала фонарик.

Ему очень не хотелось выходить наружу, но желание облегчится было настолько сильным, что перебарывало все на свете, даже страх перед темнотой. Антон на четвереньках подобрался к выходу из палатки, откинул полог и на секунду задержался, давая глазам привыкнуть к мраку. Он определил, где еще недавно горел костер (от углей все еще шло тепло) и стал

соображать, в какую сторону ему двинуться сейчас. О том, чтобы стать и мочится прямо у входа в палатку, он даже не думал.

Выйдя наружу, Антон обнаружил, что тьма обступила их стоянку не настолько плотно, как он посчитал вначале. От реки исходил легкий свет, словно она за день вобрала в себя часть солнечного тепла и теперь отдавала его; луна теперь была над самой головой и хорошо освещала верхушки деревьев. Поудобнее перехватив фонарик, Антон двинулся по тропинке, недавно ими протоптанной, ближе к лесу.

Он щелкнул кнопкой, и струя света ударила ему под ноги. Если бы у него не было фонарика, он не знал бы, что и делать, ведь вокруг, несмотря на лунную ночь, было очень страшно.

Стараясь не шуметь , он преодолел добрую половину дороги к лесу и, сунув фонарик подмышку и стараясь удержать его всеми силами, расстегнул штаны. Поначалу он не мог пописать – даже при всем желании, что-то сдерживало его. Наконец тоненькая тщедушная струя, совсем не похожая на тот клокочущий водопад у него внутри, затрещала по сырой земле. Он справился быстро, быстрее, чем это подсказывала ему природа и, застегнувшись, почувствовал, как последние капли промочили трусы. Вытащив из подмышки мокрый фонарик, он поводил им по земле, затем перевел – сам не зная, почему, - в сторону леса.

Лес стоял сплошной стеной, будто забор. Ни лучика не пробивалось сквозь его деревянную броню. Антону показалось, что он светит во вражеское укрытие, где окна – бойницы, и ни один человек не должен заглядывать в их черные глубины. А их лагерь по-прежнему спал. Мама и папа, дедушка – все спали.

Если вы никогда не были двенадцатилетним мальчиком, вам трудно буде понять, какие чувства мы испытываем, приближаясь к ТАЙНЕ. Теперь Антон вспоминал что говорил ему дед – о «тех, наверху» и о том, что не следует светить фонариком в небо, чтобы вдруг кого-нибудь не привлечь. Не раздумывая долго, он поднял фонарик вверх и принялся водить им, стараясь коснуться всякой звезды, всякого облачка. Сверху это наверняка выглядело так, будто кто-то вырисовывает узоры или пишет буквы. Лучше бы этого никто не видел…

Наигравшись вдоволь, Антон погасил свет (еще, чего доброго, дед проснется и увидит, чем он тут занимается), и напевая песенку, направился назад к палатке. В это время далеко вверху мелькнула зеленая точка. Поначалу она была маленькой, едва заметной, но затем принялась увеличиваться. Антон уже почти добрался до палатки, втайне посмеиваясь над дедовыми рассказами и над тем, как глупо он испугался, как вдруг все вокруг озарил зеленый свет. Мальчик почувствовал себя так, будто все его

тело, все – до последней клеточки, пронзила боль. Она напоминала ту, что он чувствовал год назад, когда мама отвела его к зубному врачу. То сверло Антон запомнил на всю жизнь, его жужжащий звук, и то нехорошее ощущение, которое разливалось по зубу… нет, по ВСЕМ зубам… Это было очень плохо. Очень… больно…

- Идиот! - Щупальце угодило Заар Кану по затылку, отчего он чуть не дарился о пульт управления, - Наш навигатор – идиот!

Последнюю фразу капитан произнес, обращаясь ко всем в зале. Желеобразная масса задвигалась и загудела, очевидно, это был смех.

- Не можешь даже посадить корабль! И ВЫКЛЮЧИТЬ ДВИГАТЕЛИ, - три последних слова капитан Ххрах произнес очень четко. На языке альдебаранцев это звучало как сплошное шипение, - Посмотри, что ты наделал – ты сжег их!

- Три мужских особи и одна женская, - тут же вставил Кари, их биолог. Заар Кану он никогда не нравился и, по правде говоря, он всегда считал, что тот его подсиживает. Все же какой-то там биолог – это не главный навигатор звездолета.

- Но, - попытался оправдаться Заар Кан, - Я увидел огни.

На этот раз капитан Ххрах ударил щупальцем себя по лбу – если это можно было назвать «лбом». Его шестнадцать глаз мгновенно закрылись и все желеобразное тело как будто растеклось по капитанской рубке:

- Как можно работать с такими дураками!? – Думал капитан внеземного звездолета, растекаясь по смотровому окну. Он разглядывал небо, и звезды, и клонящуюся к закату белую луну. А еще – и это пришлось весьма кстати, - он почувствовал запах жареного мяса и подумал, что зверски проголодался.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Сегодня вечером – представление.

Максим докурил, щелчком запустил окурок в сторону и перекинув сумку с фотоаппаратом через плечо, слился с толпой, медленно ползущей ко входу в театр. В одиночку, небольшими компаниями и целыми семьями люди стекались со всех концов города. Это было похоже на демонстрацию, не было только флагов и транспарантов. Родители вели детей, влюбленные

держались за руки, повсюду царило оживление.

У входа двое парней в форменных фуражках проверяли билеты, еще один повторял в микрофон: «Пожалуйста, не толпитесь. Соблюдайте порядок. Предъявите билет служащим театра. Спасибо». И вновь то же самое.

Поток двигался медленно. Они прошли под широкой растяжкой-баннером, подвешенной между двумя столбами: *«Сегодня вечером – представление. Знаменитый иллюзионист Захра продемонстрирует чудеса исчезновения. Впервые он заставит исчезнуть целый город»*.

Вскоре Максим оказался у тех самых парней, проверяющих билеты.

Журналистская аккредитация. Все в порядке, пропусти его. Откуда-то сбоку послышался недовольный возглас, но Максим уже миновал арку.

Внутри было несколько тысяч человек. Сжимая фотоаппарат в мокрых руках, он подумал, что сверху эта картина напоминает гигантский муравейник. Повсюду были люди, кто-то из службы безопасности переговаривался по рации, какой-то парень с тележкой набитой электроникой, спешил к сцене, его спина была мокрой от пота. Максим в очередной раз поднес фотоаппарат к лицу и сделал снимок.

Место у него было не самое лучшее – далеко не в первом ряду и не с центра. И пока он проталкивался сквозь живые заслоны, до его слуха доносились обрывки разговоров:

- Я слышал, он настоящий мастер, - утверждал какой-то парень, - Заставил исчезнуть слона…

- Ерунда все это. Иллюзия, - отвечал ему второй.

- А я вот *верю*, - какая-то женщина подносила пудреницу к лицу, - Во все эти *вещи*.

- Ну *как-то* же он это делает. Помните, Коперфильд заставил исчезнут целый поезд? Какой-то фокус.

- Увидим…

Наконец, Максим добрался до своего места. Как раз в этот момент свет в зале сначала потускнел, а затем и вовсе погас. Освещенным остался небольшой круг над сценой.

Разговоры моментально стихли.

Минуту или около того ничего не происходило, а затем голос, доносящийся откуда-то сверху, произнес:

- Черный маг Захра!

Все это время Максим смотрел на сцену, стараясь ничего не пропустить, но что-то он все-таки видимо проморгал, так как в следующую секунду в круге света возникла фигура в черном. Максим не видел, как человек входил на сцену - он просто возник

там, как по волшебству.

Зал взорвался аплодисментами. Повсюду слышались радостные выкрики, свист. Однако фигура подняла руку и все моментально смолкло.

- *Комод,* - прозвучало сверху.

В следующую секунду двое рабочих выкатили на сцену внушительных размеров ящик. Максим порылся в сумке и достал блокнот с карандашом, приготовившись делать пометки для будущей статьи. Когда он вновь посмотрел на сцену, в руках у Захры был широкий платок. Его маг накинул сверху на комод, сотворил в воздухе «заклинание» и тут же сорвал. За секунду до этого под платком проступали очертания комода, но когда платок слетел, там ничего не было. Предмет исчез.

Публика вновь захлопала, а Максим сделал пометку: «иллюзия с комодом». На самом деле это был простейший трюк. Где-то под сценой была пустота, люк в полу по нажатию кнопки открывался и тяжелый предмет проваливался вниз. Такой ерундой можно было одурачить разве что средневекового провинциала. Однако публика была в восторге.

- *Автомобиль,* - вновь сказал голос.

Максима удивило, что номера объявляет не обычный конферансье, привыкший раскланиваться и на все лады хвалить

артиста, а безликий голос. В следующую секунду четверо рабочих выкатили на сцену внушительных размеров пятидверный универсал. И вновь, как и в первый раз, Захра накинул платок на машину, сделал руками несколько жестов, сорвал покрывало... Автомобиль исчез.

Публика сходила с ума. Максим тем временем старался рассмотреть, есть ли в полу сцены швы - нет, ничего такого не было. Он не увидел никаких скрытых механизмов, спрятанных зеркал и прочего. Предметы и вправду пропадали. Может быть, гипноз? Это многое могло бы объяснить. Предметы на самом деле не растворились в воздухе, публике *казалось*, что они «исчезают». Но как можно было загипнотизировать одновременно несколько тысяч мужчин, женщин, детей? Даже если девяносто девять процентов из них будут слепо верить в происходящее, обязательно найдется кто-то, на кого гипноз не подействовал, кто опоздал к началу представления и тому подобное. Впрочем, этот Захра казался уверенным в своих силах. Он держался без лишнего пафоса, словно для него это была повседневная и немного утомительная работа.

Тем временем Захра подошел к самому краю сцены. В руках у него был черный платок. Публика затаила дыхание. Все ждали следующего номера, тысячи глаз были направлены в одну точку. В

зале повисла гробовая тишина и Максим подумал: «Да, точно гипноз». Молчание длилось несколько секунд. Его руки вспотели и Максим почувствовал, что страницы блокнота стали влажными.

- *А теперь*, - произнес все тот же безликий голос, - *Главный номер. Черный маг Захра заставит исчезнуть этот город*.

Максим и тысячи других посетителей успели увидеть, как черный платок взметнулся вверх. Будто в замедленной съемке, он распластался на всю ширину зала и стал опускаться. Волна наступающей ночи охватила первые ряды, начала продвигаться вверх.... Какая-то женщина вскрикнула, но ее крик тут же прервался. В последнюю секунду Максиму показалось, что все его тело пронзили тысячи холодных иголок, а потом не стало ни его, ни зрителей в зеле, ни сцены, ни домов, ни города. Вообще ничего – только ночь и путаница автострад, внезапно обрывающихся у знака: «Вы въезжаете в город… Население – 7 200 человек. Добро пожаловать».

НЕ РОЖДАТЬСЯ, НО ВОСКРЕСНУТЬ

- Да, я умерла, бабушка, - ответила Ауста.

- Чудно́! Все умирают, кроме меня.

- Да, но я восстала из мертвых, бабушка.

- Что? - спросила Халберта.

- Я восстала из мертвых.

- О нет, девочка, из мертвых никто не восстает.

Халберта отвернулась и оглядела петли на спицах, затем стала читать про себя псалом о воскресении из мертвых.

Халлдор Лакснесс "Кровь на траве".

Боль имеет крылья. Они большие и белые, прямо как у ангела. Временами она прилетает на них и обнимает тебя так, что на душе вдруг становится спокойно, словно в самом лучшем сне, где все счастливы. Эта боль уносит тебя с собой, окуная в водоворот другой, непонятной, гротескной реальности

(нереальности?),

в пучину страдания

(наслаждения?).

В такие моменты перед твоими глазами открываются картины, породить которые не сможет, пожалуй, даже мозг законченного сумасшедшего. Падая, ты возвышаешься, и, поднимаясь, летишь вниз. Сознание удалено из головного мозга, "Я" кремировано за ненадобностью...

Хоровод проклятых принимает тебя с радостью смертника. Овца на растерзание.

Боль имеет крылья...

***

Человек открыл глаза, выпрыгнув из тьмы во тьму, и это было похоже на рождение.

Темно.

И душно.

"Наверное, кто-нибудь из домашних опять закрыл все окна. Сколько раз я им говорил..."

Постой-ка, который час?

Он попытался встать, но вдруг сильно ударился обо что-то лбом.

Этого он никак не ожидал.

Вот так приляжешь на часок - другой...

Рука пошла обшаривать странный предмет наверху. На ощупь он был твердым, очевидно, обшит материей... Как будто бы деревянная доска...

...дальше.

Странно и... интересно.

Стоп.

Локоть уперся в еще одну такую же стенку.

Ящик.

Каким-то образом я попал в ящик.

"Все это - сон. На самом деле я сейчас мирно посапываю на своем любимом диване...Просто кошмар, и все... Да, мне снится кошмар", - утешил он себя.

И ущипнул себя за бедро.

Боль.

Окунает тебя в водоворот.

Интересно, а во сне можно чувствовать боль? Вдруг я просто сплю, и мне сниться, что мне больно. А если все реально?

имеет крылья

Но он решительно отмел последнюю мысль. Такого уж просто никак не может быть - вот ты ложишься на свой диван, предвкушая долгожданный отдых, ненароком засыпаешь, а когда вновь открываешь глаза, то вдруг понимаешь, что оказался запертым в тесном как гроб ящике, и...

Мысль не успела принять законченный вид.

Гроб!

Я

В

ГРОБУ

НА ГЛУБИНЕ

ДВУХ

МЕТРОВ

Нет, этого не может быть...

Так душно.

В гробу.

И сыро.

Под землей...

Руки взметнулись вверх, и вслед за ними подалось все тело. Человек напряг мышцы и с невообразимой силой принялся давить на крышку.

Воздух у тебя скоро закончиться. Ты умрешь.

На лбу выступили крупные капли пота. Еще немного, еще...

Дыхание глубокое и прерывистое, как у астматика.

О, Господи, только не это...

Крышка не поддавалась ни на миллиметр.

И тут он начал паниковать.

Кричи! Зови на номощь. Изо всех сил кричи...

...но тебя никто не услышит...

Помогите! Господи, кто-нибудь, помогите!

Громче. Нужно громче кричать.

ПОМОГИ-И-И-И-ТЕ!

Он почувствовал, что дышать стало труднее.

Вдох. Задержите дыхание. Теперь выдох. И так, возможно, вы проживете еще несколько бесполезных минут своей никчемной жизни. Если же вы не будете следовать обозначенным выше правилам, ваш кислородный запас истощиться, и вслед за этим наступит смерть. Дышите реже. Дышите неглубоко. Ваша жизнь зависит от этого.

Можешь не кричать. Тебя все равно никто не услышит.

Господи, только бы продержаться еще немного...

Полчаса, не больше.

У тебя тридцать минут.

Мама умерла два года назад. Была холодная дождливая осень. Сейчас она на небесах. Хочешь к ней? Хочешь на небо?

Хочу на небо.

Сознание закружилось, уносимое радужным водоворотом сладкой дремы.

Падая, ты возвышаешься.

Скоро.

Уже скоро.

Уже не в тесном гробу, лишенный возможности дышать. Уже не живой труп, последние мысли которого всеми силами цепляются

за осколки минувших дней. Самоед, он питался делами былых времен, он жил былой славой! Он перестал сеять и пожинать. И обитал он на костях, где ел, пил и спал... Но теперь и тело, и дух его, разделенные в самих себе, несутся ввысь.

Микроны света. Хлам. Кроваво - красные оттенки.

Уже почти я. Уже почти здесь.

Кремировано за ненадобностью...

***

Человек открыл глаза, выпрыгнув из тьмы во тьму, и это было похоже на рождение.

Все еще хочешь на небо?

ДРУГОЕ ВРЕМЯ

Они возвращались домой. Еще совсем недавно – месяц или около того, их было семеро, а теперь осталось лишь трое. Месяц? – Рита усмехнулась. Субъективно, конечно, прошли тридцать дней, но на самом деле за ними стояли восемьсот долгих лет – именно такую цифру выдал компьютер. За это время несколько

камер долгого сна (они никогда не называли это «гиперсном» - слишком научно и громоздко), вышли из строя и четверо членов экипажа погибли. Они умерли не от болезней или недостатка пищи – в отсеках корабля было стерильно и еды хватало, учитывая сад по разведению овощных культур на нижней палубе и агрегаты для производства синтетических протеинов, нет, они умерли от старости. Восемьсот лет – долгий срок.

Рита свернула монитор в трубку и вернула в ёмкость с дымящимися кристаллами для подзарядки. Оттуда же она достала другой контейнер. Это была длинная свинцовая трубка с отвинчивающейся крышкой – судовой журнал. В течении нескольких последующий часов она перелистывала страницы, пользуясь специальным стилом. Четыре члена экипажа, вышедшие из долгого сна восемьсот лет назад, сделали записи о своей жизни на корабле. Старший бортмеханик Джона, навигатор Иа, Юлия – зоолог из Всемирного центра управления полетами и инженер Уле – все в течение долгих лет писали о себе, о свой жизни. Оказалось, у Иа был ребенок. Он умер, и его отправили за борт. Джона писал стихи (контейнер помечен черной буквой «икс»), Юлия и дальше проводила свои исследования.

- Как дела? – Рита и не заметила, как в комнату вошел капитан. Она вскочила по стойке «смирно» и отдала честь.

- Брось, - Криг махнул рукой, - Ну так как?

Рита ответила не сразу. Только собрав в кулак всю силу воли, она тихо произнесла:

- Пока мы спали…. Четыре камеры вышли из строя. Джона, Иа, Юлия и Уле погибли. Им пришлось прожить «нормальную» жизнь.

Криг кивнул:

- Мы нашли могилы. Каждой семьсот с лишним лет. Подумать только, мы спали все эти годы, а они…

- Они не смогли уснуть.

- Брак в камерах. Заводской. Трой сейчас составляет отчет. Значит, остались только мы трое?

Рита кивнула.

Криг продолжал:

- По-крайней мере, они прожили свое. Сорок, пятьдесят лет… Не так уж мало для земного срока. Хотя, конечно, если бы они уснули, для их организмов прошло бы не восемьсот лет, а где-то месяц. Мы ведь не постарели…

- У Иа был ребенок.

- В самом деле? - удивился Криг, - Мы не нашли его могилы.

- Он отправился в космос.

Криг встал с кресла.

- По непонятным причинам дети, рожденные в космосе, не выживают.

- Да, я знаю.

Рита поднялась вслед за капитаном. Оба поглядели на широкий монитор, развернутый на всю стену. Почти целиком его занимало изображение голубой планеты, большая часть которой была покрыта океаном.

- Материки сдвинулись, - задумчиво сказал Криг.

Рита ничего не ответила. Неожиданно капитан вышел. Еще долгое время она стояла и смотрела на постепенно приближающийся голубой шар – Землю, и думала о долгой дороге, что им пришлось преодолеть.